
DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.01

УДК 327

«МЯГКАЯ СИЛА» В СРЕДНЕАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ: ОБЩИЕ КОНТУРЫ БАЛАНСА СИЛ

КРОТКОВ Владимир Олегович

доктор политических наук, профессор кафедры
прикладной политологии Государственного
академического университета гуманитарных наук.

E-mail: vladimir.dussel@gmail.com

SPIN-код: 2722-8579

ORCID: 0009-0002-1274-4958

Для цитирования: Кротков В.О. «Мягкая сила» в среднеазиатском регионе: общие контуры баланса сил // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4(4). – С. 7–17. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.01.

Аннотация. В статье рассматриваются общие теоретические подходы к концепту «мягкая сила». Данный феномен и инструментарий экстраполируется на регион Средней Азии. Резюмируется, что государства рассматриваемого региона на практике слабо используют мягкую силу и в большей степени выступают в роли объекта для влиятельных центров мирового господства как на Западе, так и на Востоке.

Ключевые слова: мягкая сила, Средняя Азия, международные отношения, мировая политика.

Благодарности. Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект FZNF-2023-0004 – «Цифровизация и формирование современного информационного общества: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты» (123022000042-0).

“Soft Power” in the Central Asian Region: General Contours of the Balance of Power

Vladimir O. KROTKOV

DSc in Political Science, Professor of the Department of “Applied Political Science” of the State Academic University of Humanities.

E-mail: vladimir.dussel@gmail.com

SPIN-code: 2722-8579

ORCID: 0009-0002-1274-4958

For citation: Krotkov V.O. (2023). “Soft Power” in the Central Asian Region: General Contours of the Balance of Power. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4 (4), pp. 7–17. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.01.

Abstract. The article discusses general theoretical approaches to the concept of “soft power”. This phenomenon and tools are extrapolated to the Central Asian region. It is summarized that the states of the region under consideration in practice make little use of soft power and to a greater extent act as an object for influential centers of world domination both in the West and in the East.

Keywords: soft power, Central Asia, international relations, world politics.

Acknowledgments. The article was prepared at the State Academic University of the Humanities as part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the FZNF-2023-0004 project – “Digitalization and formation of a modern information society: cognitive, economic, political and legal aspects” (123022000042-0).

Современные международные отношения развиваются достаточно динамично, характеризуясь своей турбулентностью. Их нестабильность сопровождается стохастическими процессами и эксплициитными чертами, связанными с деинституционализацией, что обуславливает более активную роль международных, региональных и национальных акторов в отстаивании собственных интересов. В анализируемом контексте глобализационные тренды вступают в противоречия с деглобализационными векторами, которые в совокупности детерминируют сложную, эмерджентную ситуацию на разных уровнях международной проблематики. В результате ключевую роль приобретает инструментарий, с помощью которого глобальные центры силы и иные региональные субъекты

добиваются своих целей¹. В целом можно отметить, что методы и средства политической борьбы эпохи модерна перестают доминировать, а на их место приходят технологии, подходы, инструменты, приемы информационного общества.

В этой связи центры силы, которые активно вовлечены в постмодернистский переход и, соответственно, обладают ресурсами нового технологического уклада, способны существенным образом в экстерриториальном формате реализовывать свою волю, преследуя определенные интересы. Другими словами, брутальные подходы, прямолинейные решения, старые технологии соревнуются с гибкими инструментами, информационными и передовыми технологическими решениями, что является явным преимуществом, так как приводит к наименьшим издержкам при решении тех или иных наднациональных задач. Не случайно сам понятийно-категориальный аппарат современных международных отношений обогатился такими явлениями, как «мягкая сила», «острая сила», «цифровая дипломатия», «информационный суверенитет», «гибридная война» и др.

В рамках данной статьи осуществляется попытка в первом приближении рассмотреть феномен «soft power» и его практическую реализацию в Средней Азии. Считается, что основоположником рассматриваемого концепта в 1990-е годы был Дж. Най (при активном участии в разработке теории со стороны Р. Кеохейна²), который акцентировал внимание на мягких, притягательных, гибких механизмах реализации власти (влияния) в международной сфере³. То есть прямая сила, например, военная, стала рассматриваться как вторичный инструмент по сравнению с менее затратными и разрушительными гибкими формами влияния, чему очень способствовал активно развивающийся процесс глобализации, одним из результатов которого стала девальвация суверенитетов большинства государств мира. Помимо этого, мягкая сила доста-

¹ См.: Кротков В.О. Идентификация тенденций современных международных отношений: формирование новой субъектности // Постсоветский материк. – 2022. – № 2. – С. 12–20.

² Keohane R. Power and Governance in a Partially Globalized World. – London; NY: Routledge, 2002.

³ Най Дж. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. – М.: ACT, 2014. – С. 177.

точно гармонично коррелирует с неоинституциональным теоретико-методологическим фреймом, который в конце XX в. стал доминировать, так как неформальные институции (структуры, процессы и нормы) начали играть более существенную практическую роль, что часто приводило к вытеснению на периферию властного поля сугубо формальных структур и правил. Так, очевидное влияние приобрели неэстатистские субъекты, например ТНК или международные неправительственные организации.

В то же время стоит отметить роль социального конструктивизма в рамках постмодернистского перехода самых могущественных центров международного влияния. Другими словами, экстерриториальные подходы, сетевые конструкты, информационно-пространственные характеристики, субъективные нарративы стали носить все большее значение в рамках исследований международных отношений. В этом плане категория «мягкая сила» вполне имманентна текучей (З. Бауман⁴) и отчасти горизонтальной реальности, где образы и символы играют значительно большую притягательную роль для многомиллионных социальных страт.

Инструментарий мягкой силы последние десятилетия показал себя как весьма действенный, так как в значительной степени преодолел цивилизационные, культурно-исторические, этноконфессиональные различия и расколы, но, конечно, не унифицировав рассматриваемую социальную дифференциацию и противоречия, с ней связанные. В большей степени можно говорить об усилении постнеклассической научной парадигмы, которой имманентен феномен мягкой силы. Роль соблазна в рефлексии Ж. Бодрийяра⁵ заняла важное место в постмодернистском дискурсе, который в данной части релевантен атрибутивным качествам мягкой силы.

В определенной степени канве анализа конгруэнтны мысли А. Грамши⁶, считавшего, что любая гегемония, как и ее распад, связаны с ролью «культурного ядра», которое консолидирует социальное пространство на основе множества аксиологических, по-

⁴ Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. С.А. Комарова. – М.; Питер, 2008. – 238 с.

⁵ Бодрийяр Ж. Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи. – М.: Ad Marginem, 2000. – 317 с.

⁶ Грамши А. Тюремные тетради. – М.: Издательство политической литературы. – 1991. – 560 с.

литических, экономических, культурных и производных явлений. В то же время оно может быть подвергнуто дестабилизации под воздействием «мягких» инструментов «молекулярной агрессии».

Опираясь на методологию Дж. Ная, следует подчеркнуть, что эффективность «soft power» в современных реалиях поконится на неагрессивных в физическом плане подходах. То есть, сила или власть реализуются через перманентное формирование институционального дизайна в обществах, которые являются объектом, что влечет за собой доминирование определенных ценностных установок, норм поведения, социальных практик, символических ориентаций. Это все достигается через образовательную, культурную, гуманитарную, информационную сферы. Очевидно, что самым главным объектом для применения мягкой силы является молодое поколение, как группа, за которой будущее, если говорить в темпоральном контексте. В результате конституируется идея международного сотрудничества, как важного элемента определенной идентичности.

При этом необходимо акцентировать внимание на том, что мягкая сила – это комплексное явление, которое имеет многоаспектный характер и может выражаться в разных формах и с разной интенсивностью. В современном мире субъект-объектные отношения не могут анализироваться в одномерном формате. Так, субъект, реализующий инструментарий мягкой силы, может быть параллельно объектом подобного влияния со стороны иного международного или регионального актора. Более того, эти отношения могут протекать с разной степенью интенсивности, на определенных этапах развития в явно эксплицитной форме (например, в период цветных революций), в иные периоды – в латентном формате, как так изменились приоритеты. Как справедливо отмечает М.А. Неймарк, любые редукционистские интерпретации относительно практической реализации концепта мягкой силы с методологической точки зрения выглядят не очень привлекательно⁷.

Поскольку тематика данной статьи связана не только с теоретико-методологическими основаниями реализации мягкой силы, следует коснуться кейса, который локализован Средней Азией.

⁷ Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике / Дипломатическая Академия МИД России. – М.: Дашков и К°, 2017. – С. 44.

Если анализировать российское влияние, то следует отметить, что «регион Центральной Азии, – как пишет М.М. Лебедева, – включен в интеграционные процессы на постсоветском пространстве, а, следовательно, взаимодействие оказывается более тесным, чем с иными государствами, находящимися вне региона. Вторых, в ЦА до сих пор распространен русский язык, хотя сфера его использования и сужается. В-третьих, имеются связи с Россией, обусловленные родственными и дружескими связями, а также профессиональными связями»⁸.

При потенциальных возможностях активно влиять в данной региональной группе, российский вектор, как впрочем и китайский, в большей степени реализуется через формальные программно-концептуальные внешнеполитические действия, что выглядит не в полной мере имманентно сути мягкой силы. Напротив, США, ЕС и иные субъекты активно используют всю линейку влияния, что соответствует классическому пониманию «мягкости», так как активно продвигаются языковые программы и направления подготовки в рамках высшего образования, развиваются преподавательский и студенческий обмены, вовлекаются преимущественно молодежные страты в деятельность экологического, гуманистического, гендерно-эгалитарного характера. Но, как прогнозировал в компаративистском стиле Дж. Най: «Мягкая сила азиатских стран отстает от силы США, Европы и Японии, но она, вероятно, увеличится»⁹. Последние годы нынешнего века как раз показывают резко возросшее влияние Китая, например, на страны Африки или Юго-Восточной Азии. Можно заключить, что современное глобальное международное или региональное влияние в политико-экономической сфере неразрывно связано с параллельным давлением через инструменты мягкой силы.

В то же время, выделяя ресурсных лидеров Средней Азии, следует подчеркнуть, что они также пытаются формировать свою политику с помощью анализируемых методов и инструментов.

⁸ Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 49–50.

⁹ Nye J.S. Soft power matters in Asia // The Japan Times. – 05.12.2005. – URL: <https://www.belfercenter.org/publication/soft-power-matters-asia> (дата обращения: 05.10.2023).

В частности, А.М. Жакьянова выделяет следующие преимущества казахстанской мягкой силы:

- культурное-историческое наследие как основополагающий фактор;
- географическое положение и размеры страны;
- достижения социально-экономического развития, которые позволили совместить персоналистский авторитаризм с активной экономико-инвестиционной политикой;
- многонациональность и религиозная политика¹⁰.

Но эти, казалось бы, структурные и процедурные преимущества далеко не всегда приводят к аксиологическому влиянию, чтобы можно было говорить о сформированных казахстанских паттернах, на которые хотят ориентироваться иные социальные общности. Даже их публичная дипломатия Web 2.0 выстроена весьма неэффективно.

Вторым значимым игроком в регионе является Узбекистан, ВВП которого занимает вторую позицию, а численность населения – первую. Это государство граничит со всеми республиками Средней Азии, занимая стратегическое геоэкономическое и геополитическое положение. По мнению Р.Б. Махмудова, наиболее эффективно «мягкая сила» Узбекистана «проявляет себя в отношении стран Центральной Азии, что дает возможность значительно повысить общий уровень взаимного доверия как на официальном уровне, так и на уровне контактов граждан»¹¹. Одним из знаковых аспектов этого сотрудничества и влияния является гуманитарное сотрудничество с Таджикистаном. В целом рассматриваемый актор делает акцент на экономических рычагах влияния, тем самым преодолевая низкий уровень жизни граждан страны.

На этом фоне истеблишмент Таджикистана пошел по привычному пути и регламентировал в своей Концепции внешней политики положения, которые соответствуют инструментам мягкой силы. На практике эти шаги выражаются в позиционировании образа страны через культурные, образовательные, гуманитарные и

¹⁰ Жакьянова А.М. Ресурсы «мягкой силы» во внешней политике Казахстана // Дискурс-Пи. – 2017. – № 1 (26). – С. 103–106.

¹¹ Махмудов Р.Б. Внешняя политика современного Узбекистана // Россия и новые государства Евразии. – 2021. – № 1 (50). – С. 124. – DOI: 10.20542/2073-4786-2021-1-121-134.

иные аспекты в институциях ООН. Помимо этого, как пишет Н.А. Салибаева, существует государственное «содействие объединениям соотечественников за рубежом и защита этнокультурной идентичности, а также оказание правовой и культурно-просветительской поддержки зарубежным соотечественникам»¹². Так же можно отметить информационное воздействие, в том числе через дипломатические и консульские инстанции, на различные внешние круги и группы, с целью укрепления позитивного имиджа Таджикистана. Вместе с тем, наблюдаются попытки компетентных органов по противодействию киберпреступлениям и информационным угрозам, направленным на дестабилизацию политической системы Таджикистана.

Затрагивая в анализируемом контексте Республику Кыргызстан, следует отметить не очень большие ресурсные возможности государства, чтобы масштабно инвестировать в инструментарий мягкой силы. В целом зависимость Республики от российского экономического, политического, инвестиционного, информационного влияния достаточно высокая и, что крайне важно, проявляется долгое время¹³. Один из аспектов выражается в том, что «российские ТВ-каналы стабильно находятся среди наиболее популярных»¹⁴.

Наряду с этим следует отразить иной вектор мягкой силы, который играет важную роль в Средней Азии в целом, и в Киргизии в частности. Это, как пишут аналитики, «идеологическое воздействие на население (в первую очередь на молодежь) через сеть из десятков западных НПО, образовательные программы, финансируемые Западом, СМИ и интернет-ресурсы. Не случайно именно в Киргизии расположился Американский университет Центральной Азии (АУЦА, AUCA) – кузница кадров прозападной элиты

¹² Салибаева Н.А. К вопросу о концепции «Мягкой силы» во внешней политике Республики Таджикистан // Таджикистан и современный мир. – 2016. – № 4 (54). – С. 18.

¹³ Блищенко В.И. Проблемы независимой Киргизии и интересы России // Обозреватель. – 2020. – № 4 (363). – С. 86.

¹⁴ Масаулов С.И. Популярность российского ТВ в Казахстане и Киргизстане. – URL: <https://ia-centr.ru/experts/sergey-masaulov/populyarnost-rossiyskogo-tv-v-kazakhstane-i-kyrgyzstane/> (дата обращения: 15.10.2023).

всего региона»¹⁵. Надо признать, что финансовые, дипломатические, организационные, информационные ресурсы различных международных фондов, неправительственных организаций являются серьезным фактором влияния на социальные ориентации и ценности в республике.

Помимо этого следует отметить продолжение политики изоляционизма со стороны политической элиты Туркменистана. Династический способ передачи власти 2022 г. не повлиял на активную внешнюю политику республики на фоне внутренних социально-экономических проблем. В целом наблюдается существенная экономическая зависимость страны от Китая. В данном контексте следует привести позицию В.А. Аваткова, согласно которой турецкая «мягкая сила» выступает немаловажным фактором, который заставляет истеблишмент Туркменистана «противостоять, максимально блокируя на территории страны деятельность таких важных ее проводников, как ТЮРКСОЙ и ТИКА. Вместе с тем на настоящий момент среди обучающихся в турецких вузах иностранных студентов больше всего именно туркмен»¹⁶.

В целом роль государств Средней Азии в области мягкой силы серьезным образом уступает как ведущим западным странам, так и более влиятельным восточным игрокам (Саудовская Аравия, Катар, Индия, Южная Корея и др.), находясь в одном ряду с африканскими странами. Более детально расстановку стран можно увидеть через призму глобального индекса мягкой силы в 2023 г. (Global Soft Power Index, 2023)¹⁷.

В качестве общего вывода можно сформулировать следующую идею: Средняя Азия является достаточно привлекательным регионом мира, который имеет множество различных противоречий. Государства этого региона представляют собой разный уровень развития, но ни одно из них на сегодняшний день не явля-

¹⁵ Александров Д., Ипполитов И., Попов Д. «Мягкая сила» как инструмент американской политики в Центральной Азии. Киргизия (продолжение) // Россия и мусульманский мир. – 2014. – № 3 (261). – С. 74–75.

¹⁶ Аватков В.А., Рыженков А.С. Туркменистан и Туркоцентрическая интеграция // Россия и новые государства Евразии. – 2022. – № 1 (54). – С. 78. – DOI: 10.20542/2073-4786-2022-1-68-85. – EDN ZVMGLH.

¹⁷ Global Soft Power Index, 2023. – URL: <https://brandirectory.com/softpower/> (дата обращения: 01.10.2023).

ется активным актором, который эффективно использует инструментарий мягкой силы, преследуя свои стратегические интересы. А более сильные игроки мирового политического пространства (США, Китай, ЕС, Турция) давно и активно применяют мягкую силу в анализируемом регионе. На это так же указывают эндогенные и экзогенные критерии, согласно которым, с точки зрения О.Г. Леоновой¹⁸, детерминируется эффективность soft power.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А. Туркменистан и Туркоцентрическая интеграция / В.А. Аватков, А.С. Рыженков // Россия и новые государства Евразии. – 2022. – № 1 (54). – С. 68–85. – DOI: 10.20542/2073-4786-2022-1-68-85.
2. Александров Д., Ипполитов И., Попов Д. «Мягкая сила» как инструмент американской политики в Центральной Азии. Киргизия (продолжение) // Россия и мусульманский мир. – 2014. – № 3 (261). – С. 74–87.
3. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. С.А. Комарова. – М.; Питер, 2008. – 238 с.
4. Блищенко В.И. Проблемы независимой Киргизии и интересы России // Обозреватель. – 2020. – № 4 (363). – С. 78–87.
5. Бодрийяр Ж. Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи. – М.: Ad Marginem, 2000. – 317 с.
6. Грамши А. Тюремные тетради. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – 560 с.
7. Жакьянова А.М. Ресурсы «мягкой силы» во внешней политике Казахстана // Дискурс-Пи. – 2017. – № 1 (26). – С. 101–110.
8. Кротков В.О. Идентификация тенденций современных международных отношений: формирование новой субъектности // Постсоветский материк. – 2022. – № 2. – С. 12–20.
9. Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 47–55.
10. Леонова О.Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Обозреватель. – 2013. – № 4 (279). – С. 27–40.

¹⁸ Леонова О.Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Обозреватель. – 2013. – № 4 (279). – С. 29.

11. Масаулов С.И. Популярность российского ТВ в Казахстане и Кыргызстане. – URL: <https://ia-centr.ru/experts/sergey-masaulov/populyarnost-rossiyskogo-tv-v-kazakhstane-i-kyrgyzstane/> (дата обращения: 15.10.2023).
12. Махмудов Р.Б. Внешняя политика современного Узбекистана // Россия и новые государства Евразии. – 2021. – № 1 (50). – С. 121–134. – DOI: 10.20542/2073-4786-2021-1-121-134.
13. Най Дж. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. – М.: АСТ, 2014. – 444 с.
14. Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике / Дипломатическая Академия МИД России. – М.: Дашков и К°, 2017. – С. 31–42.
15. Салибаева Н.А. К вопросу о концепции «Мягкой силы» во внешней политики Республики Таджикистан // Таджикистан и современный мир. – 2016. – № 4 (54). – С. 12–22.
16. Global Soft Power Index, 2023. – URL: <https://brandirectory.com/softpower/> (дата обращения: 01.10.2023).
17. Keohane R. Power and Governance in a Partially Globalized World. – L.; NY: Routledge, 2002. – 298 p.
18. Nye J.S. Soft Power Matters in Asia // The Japan Times. – 05.12.2005. – URL: <https://www.belfercenter.org/publication/soft-power-matters-asia> (дата обращения: 05.10.2023).